

*Тверской государственной университет
Университет Новая Сорбонна – Париж 3
Российский государственный гуманитарный
университет*

**Репутация и идентичность
в русской и французской культурах**

*Статьи и доклады летней школы
для студентов,
аспирантов и молодых исследователей*

**Тверь
2017**

Денис Лукин

«Французский текст» в творчестве Леонида Андреева

Аннотация: В статье на материале художественных и публицистических произведений Леонида Андреева исследуется писательская оценка Великой французской революции и репрезентация в его творчестве русско-французских отношений во время Первой мировой войны.

Ключевые слова: война, революция, Россия, Франция, «Марсельеза».

На рубеже XIX–XX веков период жизни русского общества, когда каждый сколько-нибудь образованный человек считал своим долгом вставить в собственную речь если не фразу, то хотя бы слово на французском языке, уже постепенно становился прошлым. Однако «французский след» в русской культуре был еще достаточно глубок. В творчестве Леонида Андреева, одного из ярчайших художников слова эпохи fin de siècle, франкомания XIX века нашла выражение по остаточному принципу, как данность ушедшего века.

Знание французского языка, пусть даже поверхностное, служит признаком образованности для героев реалистических произведений Андреева. Персонажи пьес «Дни нашей жизни», «Екатерина Ивановна», «Профессор Сторицын», рассказов «Жертва», «Мысль» регулярно используют в речи французские фразы и слова, напевают куплеты французских песен. Герой рассказа «На реке» в свободное время читает самоучитель французского языка. Свободно владеет французским языком Саша Погодин – главный герой романа «Сашка Жегулев». Для него знание французского было обязательной частью прошлой жизни, воспитания в родительском доме; после того, как он покинул семью, сменив фамилию и став предводителем группы разбойников-революционеров, способность читать и говорить на иностранном языке оказалась чуть ли не единственным признаком, связывающим его с прошлым и выдающим его

благородное происхождение. В некоторых произведениях Андреева («Оригинальный человек», «Екатерина Ивановна») номинально присутствуют персонажи, являющиеся французами по национальности. Французскими писателями зачитываются герои пьесы «Милые призраки» – в пьесе названы имена и произведения Эжена Сю и Франсуа Гийома Дюкре-Дюмениля. Во Франции происходит действие пьесы «Тот, кто получает пощечины». Много времени провел во Франции путешественник «поневоле» Чемоданов, герой одноименного рассказа. Причем во Франции, в отличие, например, от Швейцарии, «ему очень понравилось»¹.

Андреев вообще, как правило, наделяет Францию и французский язык эпитетами с положительной коннотацией. Французский Елены Дмитриевны, героини рассказа «Жертва», – «легкий, непринужденный, как щебетание» (6, 117), её дочь Таисия называет своего избранника Михаила Михайловича на французский манер «Мишелем», самому «Мишелю» кажется блаженством вести втроем беседы на французском языке. «Очаровательной» называет Андреев Францию в «Письмах о театре», «прекрасной» устами одного из героев – в рассказе «В тумане».

Однако порой у Андреева в адрес Франции звучат и иронические нотки. Профессор Сторицын, герой одноименной пьесы, наставляет одного из собеседников: «Если тебе когда-нибудь захочется сказать настоящую пошлость, то говори по-французски – удивительно удобный язык» (5, 171). Здесь, правда, ирония направлена не столько на сам французский язык, сколько на русскую моду щеголять французским в обществе и частое непонимание окружающими услышанного или даже сказанного ими самими. Психологически верно, что говорить неудобные, неприличные вещи гораздо легче на иностранном языке, чем на своем. Эффект отчуждения, инородное звучание сказанного словно сглаживает, нивелирует его смысловое содержание. А для человека, не знающего французский язык, всё, сказанное на нем, звучит красиво. В статье «О Джеке Лондоне», сравнивая мужественную расу англо-саксов с «женст-

¹ Андреев Л. Н. Чемоданов // Андреев Л. Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4: Рассказы 1911–1913; Сашка Жегулев: Роман; Рассказы 1914–1915. — М., Книжный Клуб Книговек, 2012. — С. 470.

венной» Францией, Андреев так отмечает общепризнанную французскую чувственность: «Великими пожарами и катастрофами живет сердце Франции, в её голосе, даже проходящем сквозь уста Великого Наполеона, всегда слышатся истерические нотки» (6, 545).

«Французское» в творчестве Андреева не ограничивается случайными поверхностными упоминаниями Франции и фразами на французском языке. Пристальный интерес к стране проявляет писатель в исторические моменты, сближающие Францию и Россию. В 1904 году, во время Русско-японской войны, Леонид Андреев, чувствуя важность исторического момента, который не может не закончиться революцией¹, с радостным волнением ожидает революционных событий в России и проявляет в это время пристальный интерес к истории Великой французской революции. В письме Вересаеву в июле 1904 года он делится своими впечатлениями о прочитанном романе Феликса Гра «Марсельцы»: «А красив человек – когда он смел и безумен и смертью попирает смерть. Вы читали «Марсельцев»? Оборванные, они шли в Париж спасать свободу и пели «Марсельезу». Пели и шли, пели и шли. <...> В этом есть что-то очень убедительное, очень большое, и мне всегда легче становится при воспоминаниях о марсельцах. Как будто здесь кроется ответ»².

Наступает революционный 1905 год и последовавший за ним период реакции или, говоря современным языком, «закручивания гаек». Андреев пишет ряд произведений об этих событиях («Сашка Жегулев», «К звездам», «Губернатор», «Тьма», «Рассказ о семи повешенных» и другие). В августе 1905 года в «Нижегородском сборнике» выходит небольшой рассказ Леонида Андреева «Марсельеза», который вполне можно назвать стихотворением в прозе. Исполненный глубокого поэтического чувства и эмоционального накала, рассказ в полторы страницы посвящен, вероятно, событиям Франко-прусской войны, хотя никаких конкретных

¹ См. подробнее: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка / гл. ред. И. А. Анисимов. — М.: Наука, 1965. — С. 219.

² Цит. по: Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева / Под. ред. Д. А. Андреева и В. Е. Беклемишевой. С предисл. В. И. Невского. — М.: Федерация, 1930. — С. 159.

указаний на них в рассказе нет. Группа французов находится в плену где-то вдали от родины под постоянным надзором направленных на них ружей. Среди пленных оказывается один очень робкий, вечно плачущий, просящий милости француз, вызывающий общие насмешки и презрение как у надзирателей, так и у собственных товарищей. «Соплененные» не признают его своим, и когда устраивают голодовку, а он хочет к ним присоединиться, отвергают его. И он голодает один, вследствие чего заболевает голодным тифом. И тогда, поняв его настойчивость в решении голодать за Францию, в нем признают своего товарища. В бреду болезни герой выговаривает общую для всех плененных тоску по «милой Франции», разрывающей их души, а перед самой смертью, на минуту придя в сознание, просит спеть над ним «Марсельезу», когда он умрет. Последние строки рассказа полны авторского сочувствия и восхищения гордыми мужественными французами и их песней свободы: «Он умер, и мы пели над ним Марсельезу. Молодыми и сильными голосами пели мы великую песню свободы, и грозно вторил нам океан и на хребтах валов своих нес в милую Францию и бледный ужас, и кроваво-красную надежду. <...> На нас смотрели ружья, зловеще щелкали их замки, и острые жала штыков угрожающе тянулись к нашим сердцам – и все громче, все радостнее звучала громкая песня; в нежных руках бойцов тихо колысаясь черный гроб. Мы пели Марсельезу!» (2, 116).

Леонид Андреев словно сам создает новую «Марсельезу» – песню свободы и человеческого духа, гимн французам, любящим свою родину и готовым на самопожертвование во имя её счастья и свободы. Такой видел писатель Великую французскую революцию. Такой революции желал он и в России. Поэтому большим огорчением стали для него неудачная попытка государственного переворота в 1905 году и наступивший за ним период реакции.

О духовной, эмоциональной близости русских и французов, о своеобразном братстве этих двух народов в восприятии Леонида Андреева свидетельствуют и строки из романа «Сашка Жегулев», в которых французы русским гимном провожают на смерть экипаж крейсера «Варяг»: «Когда появились первые подробные известия о гибели «Варяга», <...> нельзя было читать без слез, как возвышенно и краси-

во умирали люди, и как сторонние зрители, французы, рукоплескали им и русским гимном провожали их на смерть» (4, 178). Гибель экипажа крейсера и гибель французов во времена Франко-прусской войны и Великой французской революции оказываются для Андреева событиями одного порядка. Делают их таковыми национальные гимны, полные любви к родине, и гордая смерть людей, встречающих её непобежденными, несломленными духом.

В Первую мировую войну Леонид Андреев публично выступал за ведение войны до победного конца. Писатель был убежден в необходимости победы над Германией и германизмом и верил, что Россия с союзниками, в первую очередь Англией и Францией, совместными усилиями смогут освободить Европу от германского ига. С развитием революционных событий в России 1917–1919 годов, Андреев смотрит на союзников страны с надеждой на помощь от них еще и в борьбе с большевизмом. В период с 1914 по 1919 год дневники и письма Андреева полны тревожных мыслей о судьбе России, Европы и всего мира. Писатель создает ряд художественных и множество публицистических текстов на злобу дня. Не раз появляется в них и Франция.

В 1914–1915 гг. Андреев занимает общественную трибуну, на какое-то время оставив беллетристику, и публикует ряд статей о событиях разворачивающейся войны, которые позже будут выпущены отдельным сборником «В сей грозный час». В цикле статей о Сербии и Бельгии он, описывая ужасы германских преступлений, выражает сочувствие терзаемым врагом народам и призывает Россию и союзников, в том числе, конечно, и Францию, как можно скорее прийти им на помощь: «Вперед, дети прекрасной Франции, формируйте батальоны – спешите, спешите! На помощь Бельгии, народы!»¹. Призывают на помощь союзников, ждут и надеются на нее, и герои андреевской пьесы «Король, закон и свобода» (1914) – бельгийцы, вынужденные бежать из родных городов, потому что принято трудное решение взорвать дамбы и затопить города вместе с вошедшими в них немцами: «Время, время, – нам необхо-

¹ Андреев Л. Н. Бельгия (монолог) // Андреев Л. Н. В сей грозный час. — Пг.: Кн-во «ПРОМЕТЕЙ» Н. Н. Михайлова, 1915. — С. 50.

димо украсть у судьбы частицу ее вечности, несколько дней, неделю! К нам спешат! Уже идут с востока русские. Уже до самого сердца французской земли проникла немецкая сталь... и в ярости от боли уже поднимается над немецкими штыками французский орел и к нам направляет полет!» (5, 395).

В статье «Бельгийцам» Андреев создает идеалистическую картину желанной победы над Германией, представляя, как солдаты союзных держав – России, Франции, Англии, Бельгии – войдут в Берлин. С добрым юмором пишет Андреев дружеский портрет французской армии: «Легко и весело шагают французы, такие странные и такие неприличные на улицах мрачного Берлина в своих старомодных красных шароварах; радостью горят их черные глаза и с обидным любопытством рассматривают они свежие памятники прусской столицы, перешептываются, смеются. <...> не о красоте ли Берлина шепчутся французы? <...> они кое-что понимают в красоте городов, у них у самих есть Париж, и вежливой похвалой они могли бы несколько загладить неприличие своего вторжения в мировой город»¹.

Одна из статей сборника называется «Франция – прости!». В ней Леонид Андреев хочет напомнить читающей публике о стихотворении Пьера Беранже «Прости!», которым умирающий поэт прощается с Францией. Андреев восхищен произведением французского поэта, приводит в статье полный его текст в переводе В. С. Курочкина, отмечает его актуальность для настоящего дня, сравнивая события Франко-прусской и нынешней войн, которые обе начались в июле, а строки стихотворения – со строками «Марсельезы». «“Когда стонала ты в руках иноплеменных”... Разве это не сегодняшний день, и разве не стонет Франция, как встарь, под колесницами “надменных королей”?»² – вопрошает Андреев. Для Андреева стихотворение Беранже становится образцом гражданственности, сыновней любви к родине. «Нет смерти для того, кто любит родину»³, – заключает писатель.

¹ Андреев Л. Н. Бельгийцам // Там же. — С. 44.

² Андреев Л. Н. Франция — прости! // Там же. — С. 54.

³ Там же. — С. 55.

«Марсельеза» вообще навсегда стала в сознании Леонида Андреева символом свободного духа, воплощением патриотических чувств, истинной революционности как борьбы за общее благо будущего. Не раз вспоминает он эту песню и в статьях следующих, уже революционных, лет («И снова рыцари на час», «Путь красных знамен»). Рожденная во Франции, эта песня, по мнению писателя, стала достоянием всего мира: «Есть на свете великая песня восставшего народа, её сочинили французы, но принадлежит она всем, кто ищет свободы, это – Марсельеза. Вот гимн, который должен вспыхнуть новым огнем на обоих наших разделенных фронтах, Русском и Французском, и бросить их через голову Вильгельма на соединение друг с другом»¹.

Интересное, но далеко не комплементарное рассуждение о Франции предлагает Андреев в рассказе «Ночной разговор» (1915), вкладывая его в уста германского императора Вильгельма II: «Что защищает ваша Франция? Идеи 93-го года? Красоту и свободу? Нет, сударь, – она защищает свои сберегательные кассы, своих всемирных ростовщиков и потаскушек, свое священное право – остроумно и блестяще вырождаться. Вы, русские революционеры, упрекаете меня, что я моим влиянием подавил вашу крохотную и слепую революцию, неврастенический порыв к свободе, но я – бережливый немец, я давал только советы, а деньги для ваших виселиц дала Франция! Защищайте же ее, защищайте, – и когда вам удастся отстоять эту ссудную кассу, она снова настроит вам эшафотов, она не забудет вас своей благодарностью! <...> Народ, в котором женщины отказываются рожать и мужчины не хотят производить, – не должен существовать! И я потому тороплюсь уничтожить Францию, что ее идеи безнаказанного распутства, ее отвратительная зараза ложится и на мой свежий и сильный народ» (4, 451–452).

Здесь необходимо оговорить, что отношение Андреева к германскому императору, начавшему мировую войну, было крайне негативным. В статьях на злобу дня Леонид Андреев посылал проклятья Германии, Вильгельму II, немецкому

¹ Андреев Л. Н. Путь красных знамен // Андреев Л. Н. «Верните Россию!»: Сборник / Сост. И. Г. Андреевой, послесл. и коммент. В. Н. Чувакова. — М.: Моск. Рабочий, 1994. — С. 83.

народу, в цикле фельетонов «Воздыхания» создал гротескный сатирический образ германского правителя и его свиты, в статье «Франция – прости!» пишет, что у Вильгельма нет родины, и «слава ему не будет принадлежать»¹, в самом «Ночном разговоре» Вильгельм представлен как не вполне здоровый психически человек, страдающий бессонницей и манией величия. Поэтому отождествлять слова, приписанные герою рассказа, с мнением автора в данном случае нельзя. Однако некоторые идеи из монолога Вильгельма, в других словоформах встречаются у самого Андреева в публицистических текстах. О Франции, не желающей рожать детей после поражений 1871 года, правда, без осуждения, а с сочувствием и пониманием, Андреев пишет в статье «Горе побежденным!» (1916), а мысль о предательстве, выраженная в речи германского императора в образах гильотин и эшафотов, выдает подсознательный страх писателя, который, как покажет развитие событий следующих лет, окажется небезосновательным.

В октябре 1917 года, когда события Первой мировой войны обретают для России катастрофический характер, Андреев, еще верящий в революцию, публикует статью «Вопрос», обращаясь к союзникам: «Нет ли какой-нибудь возможности оказать нам немедленную помощь? Нет ли возможности послать в Балтийское море соединенный и бесконечно мощный англо-франко-американско-японский флот? <...> только часть его, чтобы удерживать германцев и спасти Петроград? <...> То, что сейчас происходит, уже не война, а простое убийство русских немцами»². Дальше Андреев будто оправдывается перед союзниками, рассуждая о революционных событиях в России, сравнивая их с Великой французской революцией, говоря, что не упрекает, а просто информирует и просит помощи, что вместе с Россией помнит и ценит «ряд кровавых наступлений, предпринятых англичанами и французами с единственной целью – отдалить от нас хоть на минуту цепкие германские руки»³.

¹ Андреев Л. Н. Франция — прости! // Андреев Л. Н. В сей грозный час. — С. 56.

² Андреев Л. Н. Вопрос // Андреев Л. Н. «Верните Россию!»: Сборник. — С. 151–152.

³ Там же. — С. 154–155.

Андреев особо подчеркивает общность судеб союзных государств: «И недаром Изер столько раз тек кровью, и такие же могилы, как наши, тянутся по лону прекрасной, измученной Франции <...>»¹. Но при этом писатель отмечает некую несогласованность общих усилий в борьбе с Германией, что порой помощь приходит с губительным опозданием, как было в случае с Сербией и Бельгией. Андреев боится, что и России не успеют помочь вовремя, хотя верит в готовность союзников оказать эту помощь. Как герои пьесы «Король, закон и свобода», теперь сам Андреев уже в отношении России говорит о нужде во времени – чтобы дожидаться помощи, не погибнуть раньше, чем помощь доспешет. Здесь, в статье 1917-го года, в обращении к союзникам за помощью в борьбе с Германией, Андреев сравнивает Россию с тонущим кораблем: «Мы не требуем, а только сообщаем, как гибнущий корабль: «Спасите души наши»»². Через полтора года, эта формула, сигнальный знак «SOS», став названием публицистического обращения все к тем же союзникам, но уже по другой причине, будет повторен Андреевым с еще большим отчаянием. А сейчас Андреев смиренен. От лица России он сообщает, что если помощь нельзя, то Россия готова умереть: «И, умирая честно, от двух дел не откажемся никогда: от верности нашим друзьям и союзникам, болеющим нашей болью, и от верности нашей безумной, нашей страшной, но великой Революции»³ (напомним, что на момент написания статьи Андреев еще верит в русскую революцию 1917 года, её благополучный результат).

Итак, в годы Первой мировой войны Леонид Андреев занимает трибуну публициста, призывая к войне до победного конца и единению народов в борьбе с германизмом. Писатель соболезнует терзаемым Сербии и Бельгии, чувствует ответственность России перед союзниками, в то же время надеясь и на них, искренне и глубоко верит в их дружбу и возможность победы общими усилиями. Революция в 1917 году кажется ему великой, способной изменить жизнь всего мира к лучшему.

¹ Там же. — С. 155.

² Там же. — С. 156.

³ Там же. — С. 157.

Но в последние годы жизни, в 1918–1919 гг., одна за другой надежды писателя рушатся. Ухудшается и его здоровье. Глубокое разочарование испытывает Андреев, когда революция, встав под большевистские знамена, превращается в бунт. Писатель разделяет революцию и бунт как двух детей свободы, сравнивая их с сыновьями Евы – Авелем и Каином, и отмечает, что между ними есть одно принципиальное различие. «Это различие – Мысль. Бунт есть начало чисто стихийное, лишенное мысли. Революция – полна мысли, она сама есть ничто иное, как восставшая мысль» (6, 658). Настоящей революцией, считал Андреев события во Франции конца XVIII века, бунтом – происшедшее в современной России (См. подробнее: 6, 656–665). Со свойственной ему горячностью, Андреев обрушивает весь жар своего слова на Ленина, Троцкого, большевиков, но, видя, что перевес сил на их стороне, с надеждой смотрит в сторону Америки, Франции, Англии. Однако получает оттуда еще один удар.

В январе 1919 года американский президент Вудро Вильсон огласил обращение ко всем воюющим в гражданской войне в России направить своих представителей в Париж на конференцию по вопросу о восстановлении мира в России. В самой России об обращении узнали из радиосообщения из Парижа. Новая власть выразила готовность принять в конференции участие, белые офицеры наотрез отказались вступить в диалог с большевиками. Леонида Андреева это предложение «убийцам и жертвам» сесть за стол переговоров потрясло: «То, что ныне по отношению к истерзанной России совершают правительства союзников, есть либо предательство, либо безумие» (6, 638). Доказав далее, что это не безумие, Андреев не торопится, однако, обвинить их и в предательстве. Писатель ставит вопрос о том, что, может быть, они не Иуды, а Пилаты, умывающие руки. И, разуверившись, разочаровавшись в правительствах, Андреев обращает свой «молитвенный вопль» (6, 646) о помощи не к ним, а к людям Европы: «Спасите наши души!». Обращение Андреева проникнуто чувством «беззащитности для себя и безнаказанности для убийц» (6, 648) в России 1919 года и верой в то, что человек (не принципиально важно, француз, англичанин, аме-

риканец) придет на помощь человеку (сейчас – русскому, но не в национальности дело).

Андреев последовательно обращается к людям разных стран с просьбой о помощи: «Мой друг, встань и протяни нам руку» (6, 649). Вот его обращение к француз: «Каждый отдельный француз – я обращаюсь к тебе и тебя зову. Пусть или слабосильны, или ошибаются твои вожди – исправь их ошибки и твоею силою умножь и подкрепи их силу. Ещё ребёнком я научился любить и уважать тебя, француз, и в истории твоей жизни искать великих образцов рыцарства и великодушного благородства. От тебя я узнал о свободе, равенстве и братстве, с ними жил всю жизнь, с ними хочу и умереть. С тобою я плакал, когда германские полчища топтали твою прекрасную Францию, и знаю, ты не засмеёшься над моими теперешними слезами» (6, 649–650).

Статья «S.O.S.» впервые была опубликована в Париже в номере газеты «Общее дело» от 22 марта 1919 года сначала в переводе на французский, потом на русском языке. Позже была переведена на многие другие иностранные языки, выходила отдельными изданиями (наиболее известное – брошюра с рисунком Н. М. Рериха «Меч мужества» на обложке). Статья стала одним из самых известных публицистических произведений писателя, ярким примером его публицистического дара. Воодушевленный успехом статьи, Андреев начинает писать новый труд – лекции о революции, бунте и большевизме, с которыми он собирался поехать в Америку. Однако дописать их он не успел, планируемой поездке не суждено было осуществиться – в сентябре 1919 года Л. Н. Андреев умер от сердечного приступа. Две части начатого труда были опубликованы в США уже после смерти писателя в 1920 году под названием «Европа в опасности».

Непрямым ответом на призывы Андреева в статье «S.O.S.» могут послужить слова Александра Куприна из его своеобразного некролога-воспоминания об Андрееве: «<...> тебя слышали, тебя поняли... твоё жгучее письмо переведено на все культурные языки... ПРЕКРАСНАЯ ФРАНЦИЯ почти единодушно высказалась против вмешательства в русские внутренние распри. ШИРОКАЯ ДУХОМ АМЕРИКА парализует японское содействие. Владычица морей, гордая

АНГЛИЯ, СЛОВО КОТОРОЙ ПОДОБНО ЗАКОНУ, все громче и внятнее говорит о заключении мира с большевиками. <...> радиосигнал SOS, уловленный приемником каждого судна, плавающего в море международной политики, имеет для его команды совсем особое, жестокое и эгоистическое значение: “Отойди дальше от гибнущего корабля”¹. Сам Андреев, однако, ушел из жизни, не успев потерять надежду на союзников и веру в людей. В том числе французский народ, ставший для писателя образцом гражданственности, патриотизма и готовности на самопожертвование во имя великих идей, какой Леониду Андрееву казалась Великая французская революция.

---

¹ Куприн А. И. Памяти Леонида Андреева. «Спасите наши души!» / Куприн А. И. Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста. — М.: Собрание, 2006. — С. 118–119.